

* * *

Вечерами над рекой Окой —
Безмятежность и покой, покой...
И почти что не видны — скудны —
Шрамы старые войны.

Под Калугой, где поля, поля,
Помнит прошлое — без зла — земля.
Где окопы были в рост — в рост —
Батальон растет берез.

И стоят они в строю, в строю,
Где отдали люди жизнь свою.
И глядят в закат, под стать живым,
Охраненьем боевым.

А туман в низинах стыл, стыл.
От реки крадется в тыл, тыл...
А земля, как ветеран, от ран
Тихо стонет до утра.

Вечерами над рекой Окой —
Безмятежность и покой, покой...

* * *

На скале, окруженной волнами,
Вдалеке от материка,
Возвышается стойким воином
Башня старого маяка —

Сквозь туманы ли, ночи мгlistые,
Упреждая коварство вод,
Смотрит пристально в сумрак линзами,
Ночью за ночью, за годом год.

Старый техник, чья жизнь потрачена,
На недремлющий луч во тьме —
Побеждает мазутом ржавчину,
Начищает стекло да медь...
Можно жить, наслаждаясь видами
Моря, пламени да песка,
Но красавица-дочь на выданье
У смотрителя маяка.

А на острове жизнь дремучая,
Юность девичья коротка.
И тревожные мысли мучают,
Овдовелого старика.
Ни бродяги, как лев косматого,
Ни заезжего моряка.
Кто полюбит и кто сосватает
Дочь хранителя маяка?

Может, как-нибудь, в ночь кромешную
Не запаливать огонька? —
Бросит буря на отмель здешнюю
Судно, ходом издалека.
И на берег, почти не хоженный,
Загорелы, в плечах крепки,
Выйдут, гальку сметая клешами,
Разбитные холостяки.

И кому-то она приглянется,
По-русалочьи, на века.
И уймется бродяга-пьяница,
Став хранителем маяка...
Но промолвит старик: «Не балуйся!»
Неизменен морской закон:
Всем — под паром ли кто, под парусом —
Ночью должен светить огонь.